

Людмила Сауленко

Прозрение

У великого римского поэта Вергилия есть поразительный эпизод. Мимо героя поэмы Энея в толпе проходит женщина. Вдруг он неожиданно для себя оборачивается и видит, как она скрывается в толпе. Скрывается навсегда. И только в тот миг он понимает: это была Венера, его мать, которую он искал всю жизнь.

Эпизод из поэмы античного автора давно стал метафорой человеческого прозрения. Мы осознаем истинное значение людей, с которыми свела нас судьба, только после их утраты. Отношение к Валерию Гегамяну – пример тому. Его творчество настоящему вошло в культурное сознание нашего города буквально в последние годы. Точнее, еще не совсем вошло, а лишь входит. Недавно вышедший альбом репродукций – еще один шаг на пути постижения искусства художника.

Но художников здесь два: живописец В. Гегамян и скульптор А. Гегамян, отец и сын. Две творческие индивидуальности, генетически принадлежащие армянской культуре, существующие в пространстве современной культуры Украины.

Гегамян Валерий (Валик) Арутюнович родился в 1925 году в Армении. Учился в Ереванском художественном училище, сблизился с Мартиросом Сарьяном, который стал наставником и покровителем юноши. По его совету переехал в Москву, где работал как художник-монументалист, затем в Биробиджане и Махачкале как преподаватель. С 1962 года жил в Одессе, где в 1964 году создал и возглавил художественно-графический факультет Одесского педагогического института им. Ушинского (ныне – Южноукраинский педагогический университет). Бессменным деканом

худграфа В. Гегамян проработал до 1980 года. И после выхода на пенсию всецело отдался творчеству. Валерия Арутюновича не стало в 2000 году.

Из-за трагической случайности значительная часть творческого наследия художника была безвозвратно утрачена. Поэтому такой интерес вызывают выставки его чудом уцелевших работ. Это завещание мастера и учителя, каким он стал для многих художников нашего города и остался в их благодарной памяти.

Александр Валикович Гегамян (Тер-Мелик Сициан) – сын В. Гегамяна, архитектор и скульптор. Он восстановил древнюю родовую фамилию деда – артиста, расстрелянного в 1937 году, сделав ее своим творческим именем. Александр родился в 1963 году, получил образование архитектора в Ереванском политехническом институте, а затем окончил скульптурное отделение Тбилисской академии художеств, где его наставником был выдающийся грузинский скульптор Мераб Бердзенишвили. Живет и работает в Одессе. Автор архитектурных проектов, станковых и декоративных скульптур. Много внимания уделяет заботам о творческом наследии отца.

Центральное место в искусстве В.А. Гегамяна занимала тема национальной трагедии армянского народа. Монументальный диптих «Кровавая свадьба», эскизы к которому репродуцированы в альбоме, мыслится автором двояко. Это одновременно и исторически реальный эпизод насильственной ассимиляции армян во время геноцида 1915 года, и символическое обобщение трагедии уничтожаемого рода, апокалипсис рода человеческого. «В Апокалипсисе Гегамяна почти не видно неба, – писала об этом произведении доктор искусствоведения Ольга Тарасенко. – Фигура окаменевшей в горе, раскинувшей в немом вопросе руки матери подобна горе. Она архитектурно. Склонившийся над плугом отец – подножье горы. <...> Огромно зло. Титанично противостояние ему художника».

Два варианта фигуры армянской невесты – два разных подхода к решению темы. В одном фигура девушки уподоблена каменной глыбе, и яркие краски, краски солнца и живой крови (желтый, оранжевый, красный) парадоксально усиливают этот мотив окаменелости. Опушены глаза – взгляд устремлен в себя, сомкнуты

и спрятаны руки, укутаны покрывалом голова и шея. Невеста словно одета камнем, раскаленным огнем ненависти. Другой вариант фигуры невесты сохраняет связь с архаической традицией женских фигур, «палеолитическими Венерами» с их подчеркнутой витальной силой. Но цикл жизнепорождения прерван. На чреве женщины – неподвижный замок жеста рук. Оттуда, из глубины, из утробы, подымается лишь ужас, выливающийся из ее глаз, – ужас перед будущим зачатием и рождением. Извечная женская функция продолжения рода превращается в акт уничтожения. У мужчин эта функция отнята. Жених-армянин и отец невесты кастрированы, то есть уничтожены дважды: как носители семени и как живые люди.

Каким предстает сегодня художник Гегамян? В первую очередь, безусловно, он мастер монументального видения. Даже характер живописного мазка у него нередко имитирует мозаичную кладку (см. панно «Гуцулы»). Мозаика тверда, как камень. И люди гор, запечатленные здесь, – люди-камни, частица мира этих гор, воплощение спокойной силы, рожденной едино укорененностью в своей земле.

Приступая к изображению человеческой фигуры, итальянские художники эпохи Возрождения сначала рисовали ее обнаженной, а уж потом на том же листе «одевали». Так исключались малейшие неточности в конструктивном построении человеческого тела. По сути, В. Гегамян придерживается того же принципа. Он строит человеческую фигуру из глубины, начиная с несущей конструкции скелета и наращивая на нем мышцы. Такова «Балерина». Вопреки традиции, это не трепетное виденье в белоснежной пачке, а конструкция, состоящая из мощных канатов мышц на упругой основе костяка. Удивительна переключка со строкой поэта:

И пробует волю твою на зубок
Холодный расчет балерины.

Одну из самых сильных сторон Гегамяна-живописца составляет взаимодействие фигуры с фоном в пространстве картины. Картинное пространство В.А. Гегамяна – особая тема. Вдумаемся:

В. Гегаян. Портрет женщины. 70-е гг.

ведь пространство по своей природе условно. Где верх или низ у Вселенной? Художник способен прочувствовать эту условность, способен выйти в другое пространство, не привязанное к бытовым координатам. Поэтому в живописных панно Гегаяна не разделены фигура и фон, их взаимоотношения строятся принципиально по-иному. В чем-то он здесь переключается с Врубелем. Эти аллюзии несомненны. Наверное, уместно вспомнить замечание выдающегося искусствоведа и поэта Владимира Шилейко: «Область совпадений в искусстве столь же

огромна, как и область подражаний и заимствований. Но что совпадает и с чем совпадает – вот что существенно».

Врубелевской хочется назвать «глыбистость» его графики, когда лицо становится сравнимым с горным пейзажем. Гегаян буквально вскрывает геологические пласты человеческого лица. Непременность же его пейзажа как пластического итога, как завершенного творения высших сил составляет, думается, основной аргумент мастера в диалоге человека с природой.

Натюрморт часто называют беседой живописца с натурой. Но у Гегаяна натюрморт скорее беседа художника с собой через природу. Натюрморт превращается во внутренний автопортрет. (Кстати сказать, автопортретов художник не писал, и этот факт подтверждает скрытую портретность его натюрмортов.) Вообще, качество портретности присуще, кажется, всем жанрам, в которых работал мастер. В самих же портретах, как и во внепортретных изображениях людей, его притягивала возможность поиска индивидуальной формулы лица. Творческую лабораторию мастера в этом плане приоткрывают сохра-

нившиеся эскизы к «Кровавой свадьбе», где запечатлен процесс такого поиска.

Удивительный художник! Погружаясь в его творчество, начинаешь догадываться о чем-то бесконечно важном. Может быть, это потенциальная равновеликость всего в мире: гор, людей, предметов, равнозначимость лиц людей и лика Вселенной?.. Он думал об этом, потому что жил особой жизнью. А теперь своей жизнью живут его картины. Живут среди нас.

Нередко приходится слышать, что на детях талантливых родителей природа отдыхает. На сыне Валика Гегамяна она отдыхать не захотела, наделив его многогранной одаренностью в разных сферах. Блестящие лингвистические способности, актерские задатки (мальчик успешно учился в театральном лицее) и, конечно же, художественные гены. Они и определили судьбу Александра (Сандро) Гегамяна.

«У тебя дух скульптурный!» – сказал когда-то ему, тогда молодому архитектору, легендарный грузинский скульптор Мераб Бердзенишвили.

Учеба у Бердзенишвили сформировала творческую индивидуальность Сандро. Присущее архитектуре ощущение изначальной конструктивности формы соединилось у него с пониманием формы как рождающей стихии. Есть техническое выражение «несущая конструкция». В его работах конструкция формопорождающая. Очень интересны в этом аспекте графические эскизы, приоткрывающие «скульптурную кухню» и одновременно обладающие собственной художественной значимостью. Один из самых удачных листов – «Архитектура». Здесь в основе решения лежит сознательное уподобление фигуры несущей конструкции. Ведь древнегреческая пластика восходит к столбам-косякам, где намечались абрисы фигуры и работали ее конструктивные членения. Отсюда прямой путь к кариатидам (корам) – женским фигурам, несущим на себе балки перекрытия. Они воплощают взаимодействие двух сил: давящей тяжести потолка и легкости несущей их опоры, то есть силы, устремленной ввысь. Гениально ощутил эту взаимосвязь Мандельштам, сказавший: «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...».

Скульптурный образ потенциально подвижен. Пульсирует, набухает движением «Вакханка» Гегамяна – так формотворящий вулкан выталкивает в пространство кипящую магму плоти. Почти укрощена эта пульсация в торсе «Архаика». В портретах же форма как бы свершилась – отсюда и присущая им некая отстраненность. Даже когда скульптор оставляет на поверхности следы обработки материала (как, например, в «Горце»), этот прием только подчеркивает пластическую итоговость вещи.

Женские образы скульптора изысканны, спокойны и самодостаточны. Эти головы на точеных шеях не нуждаются в плечах, туловищах, конечностях. Их красота – красота завершенности. Человеческое тело в концепции автора мыслится наделенным некоей избыточной выразительностью. Поэтому было бы кощунственным повторять его целиком, соревнуясь с природой, ибо всякое творение ее пластически завершено и потому совершенно.

Как близки слова «завершилось» и «свершилось»! Картина или скульптура завершена – и произведение свершилось. Издательский проект – тоже произведение. Все, кто имеет к нему отношение, надеются на его успешность, а именно: что альбом репродукций станет важным шагом на пути художников к зрителю.

От редакции: Статья Л.Л. Сауленко была написана для альбома репродукций Валерия и Александра Гегамянов. Узнав, что во Всемирном клубе одесситов готовится выставка живописи его отца из собрания МСИО и коллекции Евгения Деменка, Александр 9 сентября, за день до открытия выставки, пришел в клуб, принес эту статью и попросил, чтобы именно ее опубликовали в связи с выставкой. Ничто не предвещало, что через несколько дней Александра не станет.

